

01.07.19

НИКОЛАЙ СИЛАЕВ О РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Российско-грузинские отношения переживают очередной виток эскалации. В ответ на скандал вокруг российской делегации Межпарламентской ассамблеи православия Москва ввела санкции против туристической отрасли и авиакомпаний. Сохраняется вероятность появления ограничительных мер против грузинской продукции. О причинах и последствиях обострения отношений между Россией и Грузией в интервью старшего эксперта агентства «Евразийские стратегии – МГИМО Консалтинг» Николая Силаева для журнала «Эксперт».

– Политический кризис в Тбилиси объясняют так: как только отношения между Россией и Грузией начали улучшаться, их тут же решили испортить. Так что, отношения действительно потеплели?

– И да и нет. Действительно с 2012 года отношения улучшились во всем, что касается торговли, экономических связей, гуманитарных контактов. Облегчение визового режима для грузинских граждан, грузинские товары на российском рынке, российские туристы в Грузии. Россия – второй торговый партнер Грузии после Турции. Но в политической сфере диалог почти не развивался.

Правительство «Грузинской мечты» пришло к власти на волне деидеологизации. Эта довольно разношерстная коалиция, которая в 2012 году победила, потому что людям очень сильно надоел прежний президент Михаил Саакашвили. После всех бесконечных истерик, громких заявлений, состояния постоянной политической мобилизации, которую пытался поддерживать Саакашвили, люди проголосовали за тех, кто говорил: «Давайте мы будем просто спокойно жить, в том числе с Россией».

– Это политическая платформа «Грузинской мечты»?

– Они пришли к власти под лозунгом умеренности: прекращения политических репрессий и вызывающих внешнеполитических акций. И тихо продолжили внешнеполитический курс Саакашвили. Но через два года международный контекст стал гораздо более конфликтным, возник украинский кризис, США и ЕС начали давление на Россию. Быть «умеренным по умолчанию» стало трудно. И как поступила «Грузинская мечта»? Пользуясь преимуществами бизнеса с Россией – а грузинский экономический рост в последние годы был возможен в основном благодаря нашему рынку, – она в то же время изо всех сил пыталась понравиться и собственной радикальной оппозиции, и своим американским партнерам. Своей повестки на российском направлении у них и не было. А в повестке «Единого национального движения», которую «Мечта» попросту заимствовала, умеренным быть нельзя, обязательно проиграешь тем, кто кричит громче. Что мы сейчас и наблюдаем.

– У грузин был запрос на более радикальную повестку?

– А кто их спрашивает? Владелец гостиницы или винного завода не занимается политикой. Тон в политике задавал, задает и будет задавать политический класс Грузии. Это люди, которые в силу особенностей своей карьеры и социальных связей сравнительно меньше ориентированы на своих избирателей или национальный бизнес и больше – на брюссельскую бюрократию и клерков Госдепартамента. Грузинский политик ведет две избирательные кампании: одну в Грузии, а другую – в Вашингтоне: через лоббистов, журналистов, политических аналитиков. Это первое.

Кстати, это совершенно не значит, что всё решают США. На самом деле большая загадка, кто и как сейчас определяет политический курс Соединенных Штатов в отношении Грузии, да и всего постсоветского пространства. Например, в Грузии с марта прошлого года не назначен посол. Но даже если сами США будут пассивны, грузинские политики все равно исходят из того, что должны соответствовать определенным американским ожиданиям. А кто для них олицетворяет эти ожидания – в большой мере случайно.

Второе: в Грузии, как и во многих других постсоветских странах, публичная политика делается в особой общественной среде. Несколько лет назад была опубликована на русском прекрасная статья Анны Крастевой о судьбе гражданских обществ в посткоммунистических странах (см. «Отечественные записки», 2013, № 6 (57). – «Эксперт»). В ней говорилось, что если в старых демократиях основа гражданского общества – это ассоциации с массовым добровольным участием, то в посткоммунистических странах это небольшие по численности неправительственные организации со штатом профессиональных сотрудников. У тебя есть офис, три компьютера и опыт работы с американскими или европейскими политическими фондами? Поздравляю, ты представляешь «гражданское общество страны N». Это как раз то, что мы видим в Грузии. Среда профессиональных сотрудников неправительственных организаций оторвана и от избирателей, и от национальных групп интересов. Точнее, она сама есть группа интересов, политически наиболее влиятельная.

Эмоции вместо политики

– Такой образ жизни и карьерная траектория?

– Допустим, вы – студент. Хотя бы Университета Илии. Это такой известный центр грузинского либерализма. Податься в какую-нибудь НПО для вас естественный выбор. Скорее всего, кто-то из ваших профессоров работает в такой. Сначала вы доброволец, участвуете в акциях. Потом вы становитесь профессиональным сотрудником. Поехали по какой-нибудь образовательной программе в средненький американский университет, вернулись и оказались политическим экспертом. Написали, например, доклад о российской пропаганде и «гибридной войне». Выступили в паре телеэфиров. Глядишь, вы уже кандидат в депутаты если не парламента, то муниципального совета. Или перешли в аппарат какой-нибудь партии. Полный цикл, в котором можно пребывать всю жизнь, вовсе не замечая, что происходит по сторонам. Вам совершенно все равно, потеряет ли деньги владелец гостиницы или завода. Вы с ним никогда не встретитесь. Нет, возможно, встретитесь, если окажетесь министром и должны будете принимать решения, касающиеся национальной экономики. Но даже в этой ситуации разве вы предадите слой, из которого вышли? Министром вам быть не вечно, а потом придется все равно возвращаться в те же НПО.

Политический класс Грузии, как и некоторых других постсоветских стран, – это замкнутая среда, в которую практически не приходят импульсы от общества.

– У меня сложилось ощущение, что даже на фоне иных постсоветских государств именно Грузия – это страна победившей «мягкой силы».

– Я сомневаюсь, что понятие «мягкая сила» пригодно для описания и объяснения действительности. Я лишь попытался описать механизм кооптации грузинского политического класса и объяснить кажущиеся противоречия в его поведении: почему эти люди идут на обострение отношений с Россией при такой зависимости их страны от российского рынка. Полагаю, что этот же механизм оборачивается другой очень интересной чертой Грузии. У нее слаба профессиональная бюрократия, которая как раз и призвана смягчать колебания конъюнктуры и проводить стратегический курс.

– Грузинская бюрократия была разрушена в «революцию роз»? Или раньше?

– Это очень интересный вопрос, но я не готов на него ответить. Нужны исследования с широкими сравнениями постсоветских стран.

– По крайней мере, в ходе нынешнего скандала она себя никак не проявила. Как, впрочем, и правящая партия. Улица определяет жизнь Грузии?

– Есть «Грузинская мечта», которая является политическим бенефициаром нормализации экономических отношений с Россией, но у нее нет внятной политической позиции по отношению к России, кроме той, что заимствована у «Единого национального движения», то есть заведомо непригодной для каких-либо переговоров. Есть «Единое национальное движение», для которого Россия – это ударная политическая тема: «власти воруют, а Россия – агрессор». И есть вот этот табор, который называется грузинским гражданским обществом – многочисленные раскормленные нашими американскими и европейскими партнерами НПО, у которых, в общем, за душой-то ничего нет, кроме постоянной готовности к матерной брани по адресу Москвы.

К тому же в последние годы пошло финансирование на борьбу с российской пропагандой, сильно увеличившее градус безумия. Ты приехал из России и выступил

на грузинском телевидении? Все, ты ведешь «гибридную войну против Грузии». Преподаешь русский язык? Бесплатно? Да ты, мил человек, диверсант. И так далее. По существу, это пропаганда ненависти к России и русским, частично оплаченная нашими американскими друзьями. Молодые низкоранговые представители грузинского политического класса борются за место в иерархии, изобретая все новые ругательства в адрес России и производя при этом как можно больше шума. В итоге их эмоции полностью заменяют собой политику.

Если долго пропагандировать ненависть, она однажды возникнет. Сейчас тон грузинской публичной дискуссии о России едва ли не хуже, чем был после войны 2008 года. Нужно признать, что грузинское общество сопротивляется этой пропаганде, не принимает ее массово. Но рано или поздно должно было рвануть. И рвануло. Делать вид, что все хорошо и туристам ничего не угрожает, невозможно. Угрожает. Атмосфера ненависти, созданная политическим классом и медиа, угрожает русским, которые приезжают в Грузию.

В Грузии, естественно, есть рациональные политики. Рациональные не значит согласные с Москвой. Это значит осознающие, что от новой ссоры никто не выиграет, а вести переговоры с крупнейшим соседом необходимо. Но они пока бессильны перед политической машиной, работу которой мы видели в последние дни. А цену ответственности правительства тоже все видели.

– *То есть скандал с депутатом Гавриловым – это незапрограммированная акция?*

– Я думаю, что, конечно, эти две оппозиционные партии, ЕНД и «Европейская Грузия», планировали устроить какой-то скандал в связи с заседанием Межпарламентской ассамблеи православия. А атмосфера, в которой это могло вызвать масштабный политический кризис, созревала несколько лет.

– *Будет ли это мотивацией для отдельных отморозков бить русским туристам морды?*

– А вот это очень интересный вопрос. Раньше как-то обходилось, хотя было несколько очень неприятных историй, когда пытались срывать георгиевские ленточки или били российских предпринимателей, которые владели мелким бизнесом на некоторых грузинских курортах. Насколько я могу судить, в Грузии на уровне повседневной жизни полицейский порядок в целом сохраняется. С другой стороны, когда они собираются и идут бить ни больше ни меньше парламентскую делегацию, это тоже о многом говорит. Когда на протяжении нескольких лет нарастает градус ненависти в отношении России, это обязательно когда-нибудь выльется в инциденты на улицах с российскими туристами. В этом смысле хорошо, что поток туристов ограничили до того, как эта риторическая ненависть в отношении России перешла в практическую агрессию по отношению к российским гражданам.

Без России роста не будет

– *Какую позицию занимает грузинский капитал? Он теряет деньги из-за шизофрении политического класса. Может ли бизнес повлиять на политику?*

– До недавнего времени у бизнеса было все хорошо. Торговля с Россией есть, туристы есть – о чем беспокоиться? Да и не было у него влияния на политику. И

людей из бизнеса в политике немного, не они задают тон. Как будет сейчас – посмотрим.

– *Получается, что экономические санкции России в адрес Грузии бесперспективны, поскольку не влияют на позицию политического класса?*

– Но оставлять эту ситуацию без реакции вовсе было бы очень странно. Насколько я могу судить, в России есть понимание, что в 2006–2013 годах меры экономического давления политически себя не оправдали. Снятие экономических ограничений не могло привести к политическому результату немедленно, но оно создало критический объем восстановленных экономических связей, который уже требовал более сложной политической настройки.

В Москве понимают, что Грузия не готова к восстановлению дипломатических отношений. Но даже при тех разногласиях, что есть, можно сохранять уважительный тон и поддерживать политические контакты. Тем, представляющих взаимный интерес, полно. Скажем, сотрудничали спецслужбы России и Грузии в обеспечении безопасности сочинской Олимпиады. Терроризм – актуальная тема для Грузии, у них много граждан в Сирии воевали. Сотрудничество по борьбе с преступностью. Защита инвестиций. Да мало ли чего? Но Грузия в последние несколько лет живет в состоянии постоянной истерики по адресу России. История с Гавриловым только самая скандальная. С грузинской стороны содержательный диалог заблокирован.

Да, меры экономического давления не имели политического эффекта. Но и отмена этих мер, давайте признаем, политического эффекта не дала.

– *Как эти расклады влияют на политическую систему страны?*

– Давайте вспомним последние президентские выборы. Было два ключевых кандидата: Григол Вашадзе от коалиции ЕНД и «Европейской Грузии» и Саломе Зурабишвили, которая шла как самовыдвиженец, но при этом все знали, что ее поддерживает «Грузинская мечта». Тоже характерная деталь, которая говорит о том, что правящая партия реалистично оценивает уровень своей популярности. И вот после первого тура, в котором Зурабишвили не смогла победить, а Вашадзе занял второе место с небольшим отрывом, «националы» (так в Грузии называют ЕНД) начинают праздновать победу, Саакашвили записывает очередные видеообращения. А потом наступает второй тур, и Саломе Зурабишвили убедительно выигрывает.

Конечно, правительство и правящая партия, испугавшись поражения во втором туре, включились в кампанию. Например, они наконец сказали что-то вразумительное о проблеме микрокредитов – это очень острая социальная проблема Грузии, население в долгах у ростовщиков. Но главной причиной победы Зурабишвили был антирейтинг «националов». У них, конечно, есть ядро сторонников, которые принимают истерику и хамство в отношении России за силу, гордость и решительность. Но большинство избирателей категорически не хотят возвращения ЕНД к власти. И готовы голосовать даже за непопулярного кандидата от непопулярной партии. На президентских выборах это сработало. Но на следующих парламентских «Грузинской мечте» будет очень трудно победить. Особенно если они пройдут, как обещано, по полностью пропорциональной системе.

– Потому что риторика национализма всегда имеет стабильное ядро почитателей, а вот умеренным приходится заниматься экономикой, а тут дела идут плохо.

– Умеренных, как мы уже выяснили, нет, а если и есть, их позиции в грузинской политике слабы. «Грузинская мечта» теряет популярность не только из-за экономики. Да и с экономикой ничего особо не поделаешь. Это такой главный секрет, который, видимо, грузинские политики никогда никому не раскроют, но это довольно очевидно. Кто бы ни пришел к власти в Грузии, не получится экономического роста без расширения связей с Россией.

При Саакашвили Грузия до 2008 года росла за счет притока иностранных инвестиций. В мире было много свободных денег. Причем, что характерно, это не были западные инвестиции. Это были инвестиции, например, арабских суверенных фондов. Это был Казахстан, это был и остается Азербайджан. После 2008 года этот поток иссяк. Не столько из-за войны, сколько из-за мирового кризиса. Но помогла Брюссельская конференция доноров, которая дала Грузии четыре с половиной миллиарда долларов после войны 2008 года. Благодаря этому были построены все эти туристические прелести Батуми. К 2012 году деньги кончились, и Саакашвили по странному совпадению проиграл выборы. Но вернулся российский рынок. Он обеспечивает рост, на котором «Мечта» держится уже почти семь лет. Теперь, похоже, все, что можно было взять на российском рынке при прежних политических подходах, уже взято. Дальше нужно усложнять сотрудничество. Не просто привозить вино, зелень и обслуживать туристов, но договариваться о торговых преференциях, привлекать российские инвестиции в производственные сектора, добиваться открытия российского рынка труда. Делать все то, что делают соседи Грузии: Азербайджан, Армения (через членство в ЕАЭС), Молдавия. Но у них совсем иной политический настрой.

– Говорят, что политическая шизофрения присутствует и на бытовом уровне. «Добро пожаловать, дорогой русский турист-оккупант, трать свои деньги и кайся за решения своих властей».

– В стране с туристической экономикой в повседневных разговорах вам будут говорить то, что вы предположительно хотите услышать, судя по обложке вашего паспорта. Если вы приехали в Грузию из России, вам скажут: «Да, мы не любим ваше правительство, вы неправильно поступили с Абхазией и Южной Осетией, нас обидели, но мы русских любим». Если вы приехали из Киева, вам расскажут, что украинцы братья грузинам, что тех и других обижает Россия, что надо эту Россию вообще стереть с лица Земли, потому что она всем портит жизнь.

Отчасти это относится и к внешней политике Грузии. Это страна, которой суждено лавировать. И большинство стран бывшего СССР ведет и будет вести себя так же. Они будут искать контакты с другими центрами силы, они будут стараться дополнять контакты с Россией какими-то другими контактами. Это нормально и неизбежно. Ненормально то, что у Грузии как раз лавировать и не получается. Она торопливо портит и без того скверные отношения с Россией, не получая никаких существенных гарантий от США или кого бы то ни было еще. Ну, вольному воля

Вообще, в наших русских бурных дискуссиях о Грузии в последние недели как-то отходит на задний план одно простое обстоятельство: в этой паре – Москва и

Тбилиси – проблемы не у Москвы.

– *Какое место в жизни грузин сегодня занимает вопрос Абхазии и Южной Осетии?*

– Ни один грузинский политик в обозримом будущем не откажется от Абхазии и Южной Осетии. Абсолютное большинство граждан Грузии считает их грузинскими территориями. Это константа. Другое дело, что острота этой темы постепенно снижается. Это нетрудно проследить по опросам, в которых респондентов просят назвать главные проблемы страны. Территориальная не на первом месте.

В самой Грузии есть разные подходы. Идеино России наиболее близки сейчас грузинские консерваторы. Они проделали за последние три десятилетия любопытную эволюцию. В конце советской эпохи грузинский консерватор – это тот, кто ненавидит все русское, потому что русские пришли и подорвали грузинскую самобытность. Но через четверть века после распада Советского Союза грузинский консерватор – это человек, который по меньшей мере с интересом присматривается к России, потому что Россия видится альтернативой доминированию западного либерального культурного стандарта. Но для грузинского консерватора Абхазия – как для правоверного иудея Иерусалим.

Грузинский либерал одновременно враждебен и грузинскому консерватору, и России, потому что Россия ему кажется олицетворением консервативной политической идеологии. Но грузинскому либералу Абхазия и Южная Осетия, в общем, не очень интересны. Хотя далеко не всякий грузинский либерал в этом признается, тем более публично. И у него есть свои аргументы. Говоря отстраненно, и вправду трудно себе представить практическую пользу, которую грузинское государство сейчас могло бы извлечь из Южной Осетии, если бы она находилась под юрисдикцией Тбилиси. Это был бы еще один депрессивный регион, где к тому же надо вырабатывать какую-то политику в отношении нелояльного национального меньшинства. Практическая польза Абхазии для грузинского государства более понятна. Но ее интеграция потребовала бы от Грузии таких колоссальных усилий, на которые она просто неспособна. Если даже Берия, опиравшийся на плановую экономику и неограниченный ресурс принуждения советского государства, не смог интегрировать Абхазию, чего ждать от Грузии в ее нынешних обстоятельствах и с нынешними правителями?

– *Получается, России сложно договориться и с теми и с другими?*

– Давайте поставим вопрос иначе. Тем обоим, грузинскому либералу и грузинскому консерватору, трудно договориться с Россией. Понятно, что когда-то и самые болезненные темы придется обсуждать. Владимир Путин неоднократно публично предлагал грузинским властям содействие в прямом диалоге с Абхазией и Южной Осетией. Реакции из официального Тбилиси не было.

Оригинальная публикация expert.ru

Фото - Олег Сердечников

Источник: [Николай Силаев о российско-грузинских отношениях](#)

ОБ АВТОРЕ

Николай Силаев

Старший эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Кавказ, Украина, СНГ

Область экспертизы: Ведущий российский специалист в области международных конфликтов на постсоветском пространстве. Эксперт по вопросам демографических, экономических и административно-правовых аспектов интеграции Северного Кавказа. Специализируется на внешней политике России и отношениям со странами СНГ.

Профессиональный опыт: Старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных проблем МГИМО МИД России. В прошлом редактор отдела политики журналов «Профиль» и «Эксперт». Соавтор коллективной монографии «Россия и мир в 2020 году» и ежегодного прогноза «Международные угрозы».

